

ОБНАЖАЕТСЯ РОЩА

* * *

Погашен свет... Лишенное огней,
Пространство обезличено и сжато,
И сразу же становятся слышной
И шелесты дождя, и шорох сада.
И вот уже новорожденный звук,
Свидетельства часов опровергая,
Выносит за сужающийся круг,
За коим ропщет музыка другая,
Где новый мир по-новому течет
И на печальном празднестве осеннем
Всею и вся ведут переучет,
А вечность измеряется мгновеньем...

* * *

С отчаянной отвагой игрока,
Самим собой осмеян и оплакан,
Последний грош достав из кошелька,
Двадцатый век его бросает на кон.
И кажется ему, что в этот миг
Сам Бог его сподобил и возвысил
И он уже наверняка постиг
Законы языка случайных чисел,
Что больше не понадобится проб
И он уже готов удвоить ставки,
Что наконец составлен гороскоп,
Который не потребует поправки.

* * *

Обнажается роца и падает листьями всеми
В придорожную грязь – под колеса ленивых телег,
И все кажется мне, что вослед обнажается время -
То ли миг, то ли час, то ли весь неприкаянный век.
В эту пору дождей по обочинам глина раскисла,
Разверзается твердь, обнажив сухожилья корней,
Но и правда начал в этом мире лишаться смысла
И уже не нужна... Ибо – нет продолженья у ней.
Из великих метафор выветриваются сравненья,
И спасения Словом уже не приемлют всерьез....
Завершается век, принимая свое поражение,
И бросается вниз головой под ободья колес.

* * *

В этом бое часов на стене -
То пиано, то форте,
И подробное время во мне
Повтореньями стерто.
Этот маятник – точно протест
В эстафете познания...
Древний гул, повторяемый жест,
Торжество отрицания...

* * *

Этот мир обжигающим ветром продут,
Коченеет в отрепьях репей,
А снега – не идут, хоть убей – не идут,
А снега не идут, хоть убей.
Не идут, ибо срок обновленья истек,
И в теченье последних недель
Облетевшая роща – как Ноев ковчег,
Неприкаянно севший на мель.
Приморожено днище. Дичанье и мор...
Не подняться его парусам...
И стучит, не смолкая, железный топор
По корням, по корням, по корням.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

1

Лошадке породы киргизской

Не требуется кнута...

Спешит по дороге неблизкой -

Бежит за верстою верста.

Спешит... А над пылью обочин,

Где воздух от зноя знобит,

В белесое небо вколочен,

Внимательный коршун висит.

И снова, и снова, и снова -

Дорога, и коршун, и пыль...

Лежу на шинели отцовой,

Держусь за отцовский костыль.

2

Костыль был продан по дешевке,
Как говорят, за полцены,
Какой-то мелочной торговке
Остатками былой войны.
И только палка – без накладок
И без затейливой резьбы -
Была в дому. Не как остаток -
Как продолжение судьбы.
Как знак, что не найти причала,
И, неразлучная с отцом,
Она без устали стучала
Своим резиновым концом.
Ей вся земля была опорой,
Как он земле опорой был,
Земле неласковой, которой
Он так при жизни дорожил.

ПРИ СВЕТЕ ПОЛЯРНОЙ...

Без видимых проявлений
И непостижимый уму,
Опять отомщающий гений
Грозится тебе одному.
Опять в напряженном покое
Растет ожиданье беды...
Как может случиться такое
При свете Полярной звезды?
Какое спасение шлет нам
Ее изнуряющий свет,
Который зовут путеводным,
Но коему имени нет?..

ЗАБЫВАЮ...

Памяти матери

1

Забываю – словно убываю...

Памяти

скалистая гряда

Тянется,

как некая кривая,

Уводящая в никуда.

2

Запах золы

На пепелище –

почти нелепо:

Мог ли

в родной золе

Выжить,

выдюжить

запах хлеба,

Лучшего на земле?

Мама!

Это не знак болезни,

Которой

имени

нет,

Это

тобою
 зажженный в бездне
Необоримый свет.

Запах...

 Я
 глаза закрываю,
Будто иду под волну,

Я

 его
 продлеваю
Вдохом во всю длину.

Запоминаю,
 ноздри корежа,

Зная уже всерьез:

Обоняние -
 это кожа.

Вся.

 До корней волос.

3

Забываю – словно обрываю.

Язычок зеленого огня,

Слабая былинка полевая

Гаснет на ладони у меня.

4

Малярия

Красное с черным.

 Хна и сурьма.

Что творится в нашем саду!

Осень

 сошла ль с ума?

Я ли

 в бреду?

Я – в малярии.

 Но ты со мной -

Верой в мою судьбу,
Ладони
 тыльной стороной,
Губами – ко лбу.
Красное с черным.
 Хна и сурьма.

Что творится в моем саду...

Если
 осень
 сойдет с ума,

Руки твои
 найду.

5

Забывают - будто остывают...

Но когда, в какие холода

Происходит то, что называют

Испареньем льда?

6

Похоронка

Лед на стекле.

 В оплывшем слое

Дрожал и вспыхивал закат,

И в этом было что-то злое,

Как электрический разряд.

Ты – у стола...

 Еще не веря...

И был чужим в твоей руке

Железный ключ от белой двери

На желтом туфельном шнурке.

Мертвые губы...

 Но и такими,

Серыми как песок,

Имя.

 И снова – шепотом – имя

Слог.

И еще – слог.

Слог.

И еще.

И на той же ноте,

Глуховато-сквозной,

Имя – во имя:

- Мотенька... Мотя...

Все – для себя.

Одной.

7

Забываю... В тумане сизом

Перепутал карандаши -

Развивается дальтонизм

Души.

8

Рисунок

Ни огонька

во мраке

И ни звезды

в окне -

Только листок бумаги

Нужен сегодня мне.

Веру твою несю я

И на нем,

небольшом,

Воскрешаю тебя,

рисую

Первым карандашом.

Линия лба...

губы...

Волосы будто смоль...

Скажи: я не слишком грубо?

Не причиняю боль?

Плечи твои упруги.

Трону их,

чуть дыша...

Но – ускользают руки

Из-под карандаша.

Ты же – везде,

но – где ты?

Жду тебя сам не свой...

Руки твои воздеты

Над моей

головой.

* * *

Не приведи, Господь, быть вечно правым,
Не ведая сомнения в пути;
Жить по чужим затверженным уставам
Не приведи.
Не приведи к решениям поспешным,
Но и к долготерпенью не зови
И в грешном мире оставаться грешным
Благослови.

БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО

1

Окно больничное смотрело
В провал соседнего двора,
Где то и дело, то и дело
Вздыхало, плакало и пело,
И бунтовало неумело,
И так – до самого утра.
Как бы актеры и актерки,
Внизу шумели деревья,
И долетала до галерки
В полубреду-полувосторге
Обрывками скороговорки
Их неразумная молва.
О, что за странная идея
В моление этом на износ,
Когда страданье лицедея
Не принимается всерьез...

2

Мы доверяемся молитвам,
Нам нужен дух первооснов,
Но что за истины сулит нам
Смирненное бунтарство слов?
Неужто в поиске неновом
Мы искупление найдем
Пав на колени перед Словом,
Как перед жертвенным огнем?

Не прошу ни хлеба и ни крова,
Не ищу ни славы, ни любви,
Но оставь со мной живое слово,
На лету его не оборви,
Я готов довольствоваться плачем,
Только дара слуха не лиши,
Только не оставь меня незрячим
В этой окаянной глуши,
За окном безлунно и беззвездно,
И давно погасли фонари...
Господи, пока еще не поздно,
Ну хотя бы искру сотвори...

В ГРОЗУ

1

Стрелой слепящего накала,
Разламываясь на лету,
Косая молния взломала
Ночного неба черноту.
А вслед за нею, сея смуту,
Косноязычен и картав,
Весенний гром обрушил груды
Несогласованных октав,
Обрушил в ночь... И первым ливнем,
Летящим будто звездопад,
Ошеломлен и осчастливлен,
Засуетился темный сад...
И вновь, грозой озарена,
Как в ожиданье у причала,
Босая женщина стояла
У притворенного окна.

2

Дождь поредел. И вот уже
Стучат разрозненные капли.
Светает. На сырой меже
Белеют брошенные грабли.
На опрокинутом ведре
Среди ботвы у самой грядки
Дождя зеленые остатки
Мерцают в тусклом серебре.
И, как положено, промок,

Что называется, до нитки
На изгороди у калитки
Тобой оставленный платок.

* * *

Вдоль берега, у самой кромки,
Уже белеет первый лед,
И, впряжена в его постромки,
Река все медленней течет.
Все и пустыннее, и глуше,
И только лодки вдалеке
Беспомощно и неуклюже
Лежат на стынущем песке.
Не встретишь ни души часами...
Лишь мы на берегу стоим
И, отчего не зная сами,
За что-то все благодарим.

* * *

Л. А. Озерову

Мне по сердцу реченья старины,
В их полное достоинства теченье
Минувшими веками вплетены
Уже полузабытые значенья.
Приять... принять...
Пусть оба хороши
И нет меж них большого промежутка,
Но во втором – согласие рассудка,
А в первом – и согласие души.

* * *

Памяти Яна

1

Не дар богов, не дар богам,
Не для раздора иль соблазна,
Тяжеловесно и прекрасно
Упало яблоко к ногам.
И, словно тайной доброты
Ошеломленный соглядатай,
Слежу в траве полупримятой
Его округлые черты.
Себя, как яблоко, даря,
Был вечер этот бескорыстен...
Очарованье сентября,
Пора неторопливых истин...

2

... А ночью услышалось мне
В сырой духоте сеновала,
Как в яблонево́й тишине
Тяжелая ветка упала.
Вот так – до предельной черты,
До самой последней отметки,
До той, за которой плоды
Ломают уставшие ветки...

* * *

И замер маятник, и стал на полпути,
Но ты к нему опять протягиваешь руку,
А стрелки так легко вперед перевести
Движением одним по замкнутому кругу.
И вот уже пошла минутная в обгон,
Еще совсем чуть-чуть – и время крылья сложит...
И на какой-то срок прервется связь времен,
И будет прожит час, который не был прожит.

* * *

В осколках

прозаических зеркал

По мимолетным контурам и пятнам

Ты этот мир ревниво постигал

В его разнообразье беспощадном.

Он появлялся из небытия,

Страша и торжествуя тихомолком,

И ускользал за острые края

В небытие за меркнувшим осколком.

Но то, что было в глубине стекла

Не более чем новою химерой,

Обманутая память нарекла

Твоей любовью,

совестью

и верой.

МАТЬ

Шел февраль, снега свои стеля,

Затевал вечернюю поземку...

Женщина снимала с фитиля

Стылую, обугленную кромку.

За окном сугробы намело,

Метило дороги белой метой...

Тихой лампы тонкое стекло

Протирала женщина газетой...

Вот и все.

Но и за долгий срок

Суетное сердце не сумело

До конца понять ее урок.

Так случилось...

Вот какое дело...

* * *

Снеговые заносы,
А дорога – во льду,
Ах, какие морозы
В сорок первом году...
Ветровая равнина
Безучастно пуста,
Чернобыл, как щетина,
На вершине сырта.
Две тугие вязанки,
Два солдатских ремня –
И соседские санки
Тяжелы для меня.
Тяжелы, да не брошу
И с пути не сверну,
Все равно эту ношу
До жилья дотяну,
Чтоб огонь чернобыла
Заметался в печи,
Чтобы мать не знобило
В одичалой ночи...
То ли детские слезы,
То ли искры во льду...
Ах, какие морозы
В сорок первом году.

* * *

Я выдюжу... Я все же одержу
И в этот раз победу над собою,
Но не затем, что слишком дорожу
Отмеренным нещедрую судьбою,
Я выстою затем, что так люблю
И так тебе наитишайше верю,
Что самому себе не уступлю
Без твоего согласия на потерю.

* * *

Память моя живая,
Не назовясь по имени,
Именем не называя,
Все-таки позвони мне.
Дай мне случайны знаком
Знать, что звонок случится:
Пусть прозвучит не так он -
Будет подольше длиться.
Благодарю заранее,
Стану, не прерывая,
Слушать твое дыхание,
Память моя живая.

ДВА СТИХОТОРЕНИЯ

1

Завечерело. И в погоне
За светом гаснущего дня
Мы – у окна, в пустом вагоне,
Как у вечернего огня.
Следим, раздвинув занавески,
Как белые стволы берез
Летят навстречу в алом блеске,
Бросая тени под откос.
Что тени нам? Коруль какая
Следить за промельком теней,
Зачем-то скорость вычисляя
Летящих верст, бегущих дней?
Коруль какая в мире щедром
Искать ритмический разлад,
Когда березы белым ветром
В окно вагонное летят?

2

Сидим по ходу поезда спиною,
А рядом, за опущенным окном,
Проходит август, выгорев от зноя
И как бы в измерении двойном.
Он возникает сразу уходящим,
И каждый миг его невозвратим,
И мы вослед смеркающимся чашам
С прилежною тревогою глядим...

* * *

Сумерки все гуще...

Дело к ночи...

В этом промежутке без огней

Реплики становятся короче,

Паузы становятся длинней.

* * *

Сыну

Младшему – двадцать,

а старшему – за пятьдесят...

Друг против друга

за чашкой крепчайшего чая.

Светит луна.

И по-разному оба молчат,

Разного времени

словно бы не замечая.

- Слышишь, какая глухая стоит тишина?

Это – впервые.

- Я слышу. Такое бывает...

Оба молчат.

На два голоса светит луна...

Чай остывает...

* * *

Я

сниму

со стены

часы.

Нервничающие,

торопливо вбивающие

Тонкие гвоздики острых секунд

В теплое тело

ночной тишины.

Я поставлю в углу другие,

С длинным,

тяжелым маятником,

Медлительные и мудрые,

И,

в лад им настроив дыхание,

Буду

слушать

Время.

* * *

Мост проскандалил под колесами
И, осыпая тяжкий гул,
С налету фермами раскосыми
Мое окно перечеркнул.
А там – опять! – за косогорами
Иная даль на кромке дня
Уже иными семафорами
Регламентирует меня.
И меж ее крутыми сроками
Не отыскать пути назад,
Где неостывшими упреками
Мосты вослед мне все гремят...

АРХИВЫ

Летучий пламень лижет торопливо
Сухие, потемневшие листы -
За давностью сжигаются архивы,
Хранители остывшей суеты.
Там – адреса и даты, там – навеки
Под горсткой пепла чьи-то имена,
Там письма, как проколотые чеки,
Оплаченные памятью сполна...
А время наблюдает молчаливо
С усмешкою всегдашней правоты,
Как догорают старые архивы
И за тобой сжигаются мосты.

* * *

Вот и сегодня в мире целом
Два цвета времени в ходу,
И снова – черное на белом,
И снова их не разведу.
Как бы друг другом прорастая,
Сошлись враждебные тона,
И эта истина простая
Ошеломляюще грозна...
И снег, и яблони – все те же,
И те же тени у дверей,
Но что ни год – скупей и реже
В саду свеченье снегирей.

* * *

Все живут на границе,
На сквозном рубеже,
Где не могут сродниться
ЕЩЕ и УЖЕ,
Где уже осторожно
Обозначена суть,
Но еще невозможно
На нее посягнуть.

* * *

Подробности лежат в горизонтали
Песчинками на влажном берегу,
Волна ушла – подробности отстали,
По ним, по малым, я уже едва ли
Полет волны восстановить смогу.
А следом за увядшею волною,
В который раз не подводя итог,
Уже иная говорит со мною,
И я – в который раз! – уже с иною
Прерву на полуслове диалог.

АНАПЕСТЫ

А. Межирову

1

...И доколе покой
откровеньем души не нарушен
И не взорвана мыслью
мертвящая зыбь тишины,
Ослабевшее слово
не ищет случайных отдушин,
Ослабевшему слову
дороги еще не даны.
Но приходит пора -
и является, крут и ухабист,
Путь, ступив на который
нельзя оглянуться назад,
И мужают слова,
и приводят упрямый анапест,
Где стопа за стопою
бикфордовым шнуром горят.

2

Что напрасно грешить?..
Государыня жизнь таровата,
Все готова ссудить
от своих незаемных щедрот.
Лишь охранные грамоты
даже за высшую плату
Никому, никогда и нигде
на земле не дает.

* * *

Осенние сухие холода
Еще не бьют наводкою прямою,
Еще плывем, и тесная вода
Смыкается за лодочной кормою.
Тяжелый ветер лодку раскачал,
А где-то там, за отдаленным буюм,
Уже маячит призрачный причал,
Тот самый, что никем не предсказуем.
Эй, перевозчик, правую табань.
Держи левее, да смотри, не балуй!
Сам понимаешь, в этакую рань
Нам торопиться некуда, пожалуй.

* * *

Ах, лесные приметы,
в безлюдье глухом
вы всегда безотказно верны,
и деревья всегда одеваются мхом
больше с северной стороны.
Ах, лесные приметы, лесная молва,
вы опять объявляете мне,
что под ветром сырым
поредела листва
больше в северной стороне.
Ах, лесные приметы,
я с вами знаком,
вы как вехи на годы даны...
Предвечерье,
опять понесло холодком...
Это – с северной стороны.

* * *

Озябший репейник,
сырые холодные рытвины,
Песчаный проселок,
ведущий к пустынной реке...
Последняя бабочка
крылья сложила молитвенно
На самом последнем
малиново-буром цветке.
Каким небесам
в это сирое утро осеннее
Она поверяет
обида бессильной души,
Каким заклинаньем
взывает она о спасении
Над стылым провалом
дождями промытой межи?..
Не полно ли, милая,
маяться вечными бреднями?
Молись – не молись,
а малиновый цвет изойдет...
Над мертвою бабочкой
с белыми крыльями летними
Скользя в облаках,
тяжело гроыхнул самолет...

* * *

Пластинка должна быть хрипящей...

В. Соколов

Еще полтора оборота -
И снова стальная игла
Какие-то давние ноты
Озвучить уже не смогла.
И снова в глубинах аккорда,
Где прежде мажор ликовал,
Живое дыхание стерто
И душен, как петля, провал...
Но – снова иглою по звуку,
Но снова виток за витком
Все мечется память по кругу...
- О ком ты?
Не скажет, о ком...

* * *

Отпыхали красные поленья
Далекого закатного огня,
И вечер тенью легкого сомненья
Уже подернул очертанья дня,
Но там, вдали, медлительно, неброско,
Остановясь на узенькой черте,
Еще горит неяркая полоска,
Еще не уступает темноте...
Не уступай! И самой малой доле
Не дай, не дай без бою угасать,
Не уступай холодной, чуждой воле
И научи меня не уступать.

ЗАБЫТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

* * *

Уже смеркается в пятом,
Смеркнется... А потом
Женщина в доме рядом
Лампу зажжет на в шестом...
И на одно мгновенье
В окнах наискосок,
Вспыхнув, прервет паденье
Падающий листок.

* * *

Пусть говорят, что это прихоть,
Фантазиям средь бела дня,
С меня довольно, если ты хоть
Не осудила бы меня
За то, что каждый божий день я
Слагаю по одной строке
Забытое стихотворенье
Случайной веткой на песке.

* * *

...А ты искала лишние слова,
Слова, которых не было в помине,
И все не попадала в рукава
Невзрослого пальтишка на ватине.
А за окном ленивая весна,
Еще своей не сознавая силы,
Слепым снежком наискосок пылила...
...и медлила пространства кривизна.

* * *

Охоте к перемене мест
Не уступайте слишком часто.
Однообразии контраста
Вам тоже скоро надоест.
Вне памяти моей – что там,
Какие странные уюты,
И что вас тянет почему-то
К уже оставленным местам?..
Зачем вам эта маета
И как посмели вы решиться
В домашнем платице из ситца
Уйти в такие холода?..

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

По ночам стекают с гор ветра
И в тоске по дали беспредельной
Мечутся и стонут до утра
В тесноте и темени ущельной.
А волна, рожденная во мгле,
В далях бесприютного пространства,
Рвется к остывающей земле
И у камня ищет постоянства.

2

Ни гудков, ни голошенья чаек,
Ни других обыденных примет...
Берег длинен, как плохой прозаик,
Растянувший серенький сюжет.
Вольно и как будто отрешенно,
Вне заботы об иной судьбе,
За чертой купального сезона
Море предоставлено себе.
То ль смиренье, то ли одичанье?...
Но, бывшее скупое вороша,
Всей необходимостью молчанья
Полнится незрелая душа.

3

И шторма, и штиля – всего было поровну,
И сила была у крыла,
А птицу над морем все в сторону, в сторону
Какая-то воля влекла.

И был ее странный полет – как падение
В какой-то иной небосвод,
И белыми вспышками черная тень ее
Сверкала над бездною вод.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Целый миг трепетала над нами
Этой муки высокая весть,
Но ее, точно в кардиограмме,
Мы опять не посмели прочесть.
Не посмели опять...
Не с того ли
Так пронзителен свет голубой,
Что в свидетели медленной боли
Мы еще не годимся с тобой?

2

Нет, не молнии!
Это олени рога
Упираются в тучи, дрожа от натуги!
Защищая любовь, так идут на врага
Или гибнут у ног большеглазой подруги.
И покуда гремит неумная высь,
И покуда сверкает рогов позолота,
Совы прячутся в дупла
И старая рысь
Не рискует уйти на ночную охоту.

УХОД

1

Все уложить в каком-нибудь порядке,
Замки защелкнуть, застегнуть чехлы,
И выйти в ночь, и долго ждать посадки -
В пустом вокзале подпирать углы...
Следить за снегом, падающим косо
Вдоль темного вагонного окна
Куда-то вниз, под черные колеса,
На черную щебенку полотна.
И медленных огней пустынных станций
Встречать и провожать бездомный свет,
И знать, что ни вернуться, ни остаться,
Что поезда не оставляют след...
Спуститься вниз, не разбудив соседа,
В гремящий тамбур выйти покурить,
И знать, что не одержана победа,
И знать, что пораженья не избыть.

2

Прогревели пролеты моста -
И опять перестук на три такта,
И опять за окном темнота...
Слепота?... Катаракта?..
В изголовье приладив баул,
Спит сосед в неестественной позе.
Что ему этот вальсовый гул
На вселенском морозе?..

* * *

Почти минуту эти вязы
Удерживали груз дождя,
Чтоб он обрушился не сразу -
Чуть погодя...
Почти минуту в этой схватке
Не утверждаемое вслух
В счастливом поиске разрядки
Царило равновесье двух.

* * *

До боли напрягая зренье,
Какому свету в эту ночь,
Отчаявшемуся в боренье,
Вы так надеялись помочь?..
А две березы еле-еле
В сырых глубинах темноты,
Перемогая страх, белели
Во имя вашей правоты.

* * *

Я все реже тебе запрещаю,
Я все чаще бываю неправ,
Не прощенный тобою, - прощаю,
Оправдания всему отыскав.
Ни добрее не стал я, ни строже –
Разве только, взрослея, душа
Обо всем, что с годами дороже,
Научилась судить не спеша.

* * *

А мы все острее зависим
С течением лет и часов
От нами не посланных писем
И нами не слышанных слов.
И в этой затянутой драме
Преследует нас по пятам
Все то, что не сказано нами
И не адресовано нам.

* * *

Я так давно не знаю, что с тобой,
Что принял бы за божескую милость
Любую весть и даже слух любой,
Но лишь о том, что ты не изменилась.
Я повторял бы этот слух стократ,
Чтоб в сотый раз его услышать снова,
И с каждым встречным бился б об заклад,
Что достоверно в нем любое слово.

* * *

Наваждение, что ли, какое?..
Но опять и опять
Разрастается слово строкою -
Я приеду к тебе умирать..
То ли день подступает последний
И нужна благодать?..
Упаси мою душу от бредней -
Я приеду к тебе умирать...

* * *

- Не считай мои барыши -
Не корыстен я и на грош
И не ради мира души
Обрекаю себя на ложь.
Ни прийти к себе самому.
Ни избыть себя не могу,
И, наверное, потому,
При тебе – я опять солгу...
- Будет красный огонь в печи,
Будет белый снег за окном -
Перед белым снегом молчи,
Исповедуйся перед огнем.

* * *

Когда внезапно я приеду,
Какую за твоим столом
Неосторожную беседу
Мы осторожно поведем?
Какие тайны мы озвучим
И что за слово в свой черед
Всего лишь призраком летучим
В провалы пауз упадет?..

* * *

Когда уже в урочный час
Иссветятся огни
И я шепну в последний раз:
«Господь тебя храни», -
Да будет в холоде ночи
До воскресенья дня
Светить тебе огонь свечи,
Зажженной для меня.

СТУПЕНИ

(ПОЭМА)

А. Б. Пеньковскому.

Перед началом

Еще к началу не готов он,
Еще податливый металл
Под чеканом не нагартован,
Еще художник не восстал.
Он медлит...
Мастер, он в ответе
За каждый штрих, за каждый след,
Которому на красной меди
Еще обозначенья нет,
И за скептическую окись,
Что здесь оставит свой налет
И линий выверенных строгость,
Как пропись детскую, сотрет.

1

Дожди

Ему опять чертовски не везло,
И, этим невезением измучен,
Он жил, как напряженное весло
В железной безысходности уключин.
И нынче было то же, что вчера,
И завтра будет то же, что сегодня, -
Все тот же дождь - не выйти со двора, -
Все тот же скрип намокшей подворотни,

Все тот же нескончаемый мотив
Уже до ноты выдохшейся песни
Преследовал его, как рецидив
Какой-то неопознанной болезни...
Не ладилась работа.
Битый час
Он все корпел над скудной строкою,
И в сотый раз, как в самый первый раз,
Искал определенья непокою.
Хотел припомнить все до мелочей:
Свет фонаря у здания вокзала,
Свинцовость луж, и влажный блеск плащей...
Хотел припомнить, и – не воскресало.
Не воскресало...
Но – какая связь
Между его уходом и – лимоном?
Литым лимоном, кем-то оброненным
В перронную разжиженную грязь?..
Тот – помнился.
И, право, не смешно ль,
Что этот плод, желтевший маслянисто,
Он ощущал как сыгранную роль
В чужом регистре певшего солиста?
Он ощущал...
Но тайна мастерства,
Упрятанная в крохотную малость,
Скрытая в ничтожнейшем «едва»,
Все не давалась, все не открывалась.
Который месяц он наедине
С лесничеством, где озеро сквозное.
Где осень пахнет сырью и сосною
И только дождь в непрошеной родне.
Четвертый месяц в чертовой дыре,
В плену у этих сосен и тумана...

И прошлое как в этом сентябре:
Светало – поздно, а смеркалось – рано.
Но незачем и некого винить,
Что лампочка светила вполнакала
И красноватым светом обнажала
Всего свою же собственную нить.

2

Музыка

Всю ночь шумели сосны.
Кто – о чем...
О ветре, о дожде, о мокрой хвое...
Басовым зашифрована ключом,
Их музыка текла над головою.
Она звучала, словно правота,
Которая, не требуя названий,
От века убеждающе проста
И охлажденной правды постоянной.
Но может ли дыханье правоты
Запечатлеться словом на бумаге,
Перенестись на косные холсты,
Произнестись в летучем нотном знаке?..
Бессмертен Моцарт.
Только дело в том,
Что, может быть, совсем не в меньшей мере
Над каждым неизорванным листом
Бессмертием помечен и Сальери?
И незачем ломать карандаши,
Когда искусство в сущности не боле,
Чем выдумка натруженной души
И пребывает только в этой роли...
Но что – когда оно не ремесло
В ряду других бесчисленных ремесел
И человек само добро и зло
На чуткие весы опасно бросил?

Что – если звуки Моцарта таят
Не только обретенья в светлой вере,
Но и прицельно действующий яд,
Которым отравляется Сальери?
Что – если там, в глубинах красоты,
Где тайно беспорядочен порядок,
Есть торжество синильной кислоты,
Так и не выпадающей в осадок?..
А впрочем, все уже объяснено,
И ни к чему досужие догадки,
Объяснено, разложено давно
По полочкам, в аптекарском порядке.
На обороте каждого стиха
Проставлены разумные отметки
И есть – во избежание греха -
Срок годности на каждой этикетке...
Кто все это ему наколдовал -
Так несерьезно о таком серьезном?..
Уже светало.
Он еще не спал,
Он все еще прислушивался к соснам.

3

В кольце

Снега легли.
И снова он в лесу
Следит, как в предвечерние мгновенья
Скользят и замирают на весу
Прозрачные, слабеющие тени.
Ему лесные вырубki всегда
Напоминали чем-то двоевластьe,
Где с голосами жизни немота
Сопряжена в отлаженном контрасте.
Но кем же обозначена черта,
Кем выверена горькая граница,

Где неизбежный тлен и красота
Обречены, враждуя, породниться?..
Найти бы эту линию судьбы,
Определить параграфы и графы,
Поставить пограничные столбы.
Направить пограничные заставы,
Рвы проложить, где мертвая вода,
На бруствере, неслыханно высоком,
Гудящие наполнить провода
Высоковольтным смертоносным током!..
Но там, где на предельном рубеже
На примиренье и намек немислим,
Мы, смертью смерть поправшие,
уже
Ее в свои ж союзницы зачислим.
Кольцо?..
Но в безысходности кольца,
Где не найти мгновения отсчета,
Не выznать и мгновение конца -
Любая точка – точка поворота...
В тяжелых кронах догорал закат,
И оплывали блески позолоты,
И снег летел, как все снега летят,
Безгрешный, как неведенье природы.

4

Вопросы

Сносили церковь в старом городке.
Ее, едва дожившую доныне,
По слухам, возводила на желтке
Какая-то опальная княгиня.
В холодноватых утренних лучах
Над ней металась галки ошалело,
И солнце, лежа на ее плечах,
Не согревало старческого тела...

Но мало ль обрекается на слом
Почти доисторических развалин?
Нет, он сегодня думал не о том,
Не смертью этой был он опечален...
Кто был он, смерд, что сотни лет назад
Здесь возводил леса из гулких бревен?
Какой небесной святостью свят,
Какой земной греховностью греховен?..
Кто в эту высь, почти под купола,
Горевшие на солнце яснолобо,
На блоках возносил колокола
По выдумке смышленного холопа?..
Кто бледный богомаз, что до поста
Скорбел, благоговая над амвоном
И муки спасенного Христа
Высвечивая суриком и кроном?..
Кому известны эти имена,
В каких раскопках найдены заметы?
Во славу их какие письмена
Слагали вдохновенные поэты?..
Неужто все – от камня до строки -
Непрочное подобие ступеней,
На коих стирают башмаки
Строители грядущих поколений?..
Вопросы шли, угрюмы и прямы,
Но в поисках неведомого света
Он все же знал, что грустные умы
Дают неполноценные ответы...

5

Довольно...

И разношерстен, и разноголос
В провинции бывает книжный рынок...
Из городка он под вечер принес
Пяток отлакированных новинок.

Куда ни кинь -
опять со всех сторон
(Какое утомительное сходство!)
Строфа к строфе – исповедальный стон
По части своего же благородства.
По части выставленья напоказ
Своих необязующих любовей,
Представленных под вывесками фраз -
Увы! – стереотипных предисловий.
Те – каются, греховность возлюбя,
Не правда ль, восхитительное средство -
По мелочам браня самих себя,
Являть «принципиальное» кокетство?!
Другой, в бессмертье выправив транзит,
Пророчит и без долгих проволочек
Уже вторым пришествием грозит -
Не за грехи ли собственных же строчек?..
Довольно их, блистательно прямых
Любителей оваций и новаций,
Что с музами, проведавшими их,
Сумели поллюбовно столкнуться...
Но – есть судьба, что выше ремесла,
И пусть порой набат ее негромок,
Но уступает мертвая скала
Негромогласной силе камнеломок...

6

Нить

Где строгая царит пирамидальность
Над робкою прозрачностью аллей,
Он осязал как некую реальность
Высокомерье старых тополей.
А в двух шагах, - отчаянно рискуя, -
Девчонка, до безумья осмелев,
Трудилась, безнаказанно рисуя

Готические профили дерев.
И он следил несовершенство линий,
Он выверял, тревожась и спеша,
Повиновенье сумрачной гордыни
Велениям ее карандаша...
Что это было?
Детская забава,
Фантазии летучая игра?..
Или уже осознанное право
На пересотворение добра?
Куда, в какую даль вела работа,
Ту девочку уже опередив,
Ту девочку, не знавшую расчета -
Труднейшего закона перспектив?..
Кто знает?..
Но в смешеньях светотеней,
Где мельтешила бликов кутерьма,
Пришедшею из племени растений
Ему казалась девочка сама.
Так – только в детстве,
Только на рассвете,
Там, где минутам не ведется счет,
Где, будто в непроявленной кассете,
Отснятое мгновение живет...
Он ощущал мгновенья как потери,
Но, к бегу их почти приноравясь,
Уже ловил, себе еще не веря,
Меж ними и собой живую связь,
Свое причастье к ветреным созвучьям,
Где равноправны слава и хула,
И к этим оголенным черным сучьям,
Томящимся в предчувствии тепла,
И к звону расходящейся капли,
И к влажно-горьковатой седине

Полуистлевшей, выбеленной прели,
Где осень обнажилась по весне...
Ах, только ненароком не спугнуть бы,
Не оборвать бы тоненькую нить,
Единственную,
Ту, которой судьбы
Художнику дано соединить.

7

Слово

Писать.
Не находить и вновь писать,
И, накрест перечеркивая строчки,
Живую плоть отчаянно спасать
Из четырехстрочковой одиночки,
Любить слова и – ненавидеть их,
В сердцах полосовать аорты гласных,
И – врачевать кровоточащий стих,
И – растворяться вновь в его соблазнах.
Работать.
От темна и до темна,
Пока душа жива и дышит тело,
Успеть себя расходовать.
Сполна.
До края. До последнего предела.
Суть – только в этом.
Только в этом суть.
Успеть произнести в последнем вздохе
Хоть слово,
Что останется, как ртуть,
В изменчивом термометре эпохи.
По миру будто по миру идти
С холщовою сумою пилигрима,
Чтоб на язык корней перевести
Все, что казалось непереводаемо.

ВОТ И ТЕПЛЕЕ

1

ВОТ И ТЕПЛЕЕ...

На ветлах старого погоста
За косогором у реки
Еще не заселили гнезда
Грачей шумливые полки,
Но ветер был широк и влажен,
Кусты намокшие черны, -
И мир казался нам разлажен
В предощущении весны.
Искались формы и начала,
И время, опасаясь лжи,
Все медлило, и проверяло,
И – отвергало чертежи...
Заряжены его исканьем,
Но и не смея все учесть,
Мы все же верили, что станем
Иными, лучшими, чем есть.

2

СНЕГ В МАРТЕ

Опять заснеженные кровли,

Дорога, яблони в саду...

Ах, это позднее злословье,

Не подлежащее суду!

Без сожаленья и шумихи

Оно летит белым-бело,

И вот уже гнездо грачихи

Его наветом замело...

Ах, эти поздние попытки

Тепло весеннее унять!..

К утру – не отворить калитки,

Сугробы, замети,

Опять...

АПРЕЛЬ

Вновь оттаявшая земля
Солнцем высвечена до пяди,
До пятнадцати выше нуля
Обещают в последней декаде.
По садам подсыхают углы,
Долетают пилы отголоски,
Белят яблоневые стволы
Водянистым раствором известки,
И гремит, атакуя меня
Из кустов посмуглевших акаций,
Воробьиная болтовня,
Состоящая – вся! – из сенсаций.

4

Еще не знать имен растений,
Но с каждым быть уже на ты
И принимать без опасений
Их лаконичные черты,
Следить за внешним беспорядком,
Где формы древние новы,
И отдавать себя догадкам
О гениальности листвы...

5

Вот и теплее... Вот и пора.
Без проволочки
Нынче на ветке – прямо с утра -
Тронулись почки.
Где-то на красной меди сосны,
Новостью занят,
Первое слово этой весны
Дятел чеканит...
Эхо – молитва, эхо – волшба,
Эхо – отвага...
Это надежда, это судьба,
Это – во благо.

ЖГУТ КОСТРЫ

* * *

Все облака... И нет конца им...
И мы часами напролет
Так безучастно созерцаем
Их фантастический исход...
В каких краях обетованных
Случится им, окончив путь,
Опять к земле в рубцах и ранах
Самоубийственно прильнуть?..

СТЕПЬ

1

Июль в разгуле. Воздух вязок.
Над степью, зноем залитой,
Господствует смешенье красок,
Просвечивая чернотой.
Пропитан знаем каждый атом,
И столько тишины окрест,
Что кажется – в пространстве сжатом
Взрывоопасен всякий жест.

2

В СОЛОНЧАКАХ

На сотни верст – сухие степи,
И дух полыни...
И черный коршун в белом небе -
Символ гордыни.
О, по каким-таким законам,
Земле завещан,
Он правит миром прокаженным,
В изломах трещин?..
За кругом круг он правит этим
Земным недугом,
И так столетье за столетьем
И – круг за кругом...

Какая сушь! Какой слепящий свет!
О, кто сказал, что мир устроен мудро,
Когда свободы и в просторе нет? -
Есть только пыль, мельчайшая как пудра.
Есть только прах, безумие и зной,
Здесь не летит степная кобылица,
Не мнет ковыль, сквозящий сединой,
Здесь даже небу не в чем отразиться...

* * *

В королевстве кривых зеркал
Откровения не искал,
Не любил вельмож и святош,
Никогда и во сне дурном
Золотым не бредил руном,
Не желал шагреновых кож,
Никогда не знал наперед,
Что за ход судьба наберет,
Не просил ее ни о чем,
И когда в пути уставал
И бывал далек перевал,
Сам себя подпирал плечом.
А когда совсем не везло,
И ломалось мое весло,
И несло теченьем реки,
Зажимал обломок в горсти
И опять продолжал грести -
Самому себе вопреки.

ЕЩЕ НЕ ВЫШЛО ВРЕМЯ

1

Какие вести... Ах, какие вести!..
Какой непредусмотренный сигнал
Какие глыбы вымерших созвездий
И обогнул уже, и обогнал...
И бедный стих мучительно и странно
С распухших губ срывается на крик...
Он весь в предощущении тарана
Истории, летящей напрямик.

2

...И вышло так, что спорить стало не с кем,
Здесь каждый гнет свое во что горазд,
Здесь ни мольбе, ни аргументам веским
Уже никто значенья не придаст.
И дела нет им, прав или не прав ты,
Или какую маешься виной...
Здесь каждому довольно полуправды,
А истины не нужно ни одной.

3

Те, что живы покуда, и те, что покуда не лживы,
Кто за годы глухие еще до конца не ослеп,
По сусекам души все метут, дометают архивы,
По зерну выбирая подернутый плесенью хлеб.
Эти зерна направо отложат, а эти отложат налево,
А вот эти зажмут в исхудалой горячей горсти...
Как их мало осталось, пригодных еще для посева,
Тех, которые смогут на этой земле прорасти.

4

Кем отысканы те мерила,
По которым вести расчет
Между тем, что когда-то было
И когда-то еще грядет?
Не с того ли мы и клеветем
И ликуем «от сих до сих»,
Что душе соизмерить не с чем
Ни пространство, ни век, ни стих?

5

Какие секреты ни вызнай,
Напрасен окажется труд -
У нашей свободы капризной
В запасе немало причуд.
У всех на виду без опаски,
Не пряча насмешливых глаз,
Свои карнавальные маски
Она еще сменит не раз.

6

Из одной пригубили чаши
И одну истаскали бирку,
Ибо все поколение наше
В тираже пошло под копирку,
Уходящее поколение,
Выпадаем из переплета,
И вчерашнего оглавленья
Осыпается позолота.

7

Мы все оказались не теми,
Кем именовали себя,
Когда продирались сквозь время,
В победные трубы трубя.
К чему ж над сухим пепелищем,
Где память – и та сожжена,

Мы снова мучительно ищем
Иные себе имена?..

8

Обманутые свободой,
Забыв о своем призвании,
Мы жили, себя расходуя
На собственное молчание.

9

Все расписано было по белому
И по красному – черным,
Все пошло в устрашение смелому,
В назиданье покорным.
Неужели когда-нибудь снова нам
Век проставит отметку
На казенном листе, разлинованном
По линейке и в клетку?

10

С молодых ногтей обученные страху,
Мы избежали ада и чумы,
Мы обошли иссеченную плаху
И не носили нищенской сумы,
Но, не познав ни мора, ни острога,
Мы к небесам не обратили взор -
Нам не хватило мужества для Бога...
Как, впрочем, не хватает до сих пор...

11

Еще не вышло время, плечи горбя,
Испытывать молитву на распев,
И ненависть еще не знает скорби,
Еще не верит исповеди гнев.
Еще не вышло время, горбя плечи,
Поверить в искупление утрат,
Еще в домах не зажигают свечи,
Когда костры на площадях горят.

* * *

Вокзала ночная невнятица,
Слова, растворенные в эхо...
- А может быть, все и наладится?..
- Дорога судьбе не помеха.
Перронная слякоть осенняя...
И на языке человеческом
Останутся эти мгновения,
Когда говорить уже нечем.

* * *

За окнами – болота, редколесье,
И сумерки становятся густы,
И в сумерках ольховые кусты,
Как бы скользя, теряют равновесье,
И все кружат и падают с разбегу
В колдобины, где черная вода,
И молча провожают поезда
В ознобе и тоске по человеку.

* * *

Когда уже горящая полынь
Отравит это небо голубое,
Без сожаленья старый дом покинь,
Вины не сознавая за собою.
Покинь...
Во имя памяти уйди,
Но где-то на неведомой чужбине
Окрепшею душой не осуди
Горчайший дух оставленной полыни.

* * *

Это – дело ножовки.

Простой одноручной пилы,

Обрывающей путь вольнодумным побегам

весенним, -

Обрезают деревья, чтобы стали покорно круглы,

На исходе зимы, перед мартовским сокодвиженьем.

Чтоб – Господь упаси! – не порушился

давний закон,

Утвержденный во имя, а также на благо и ради...

Это все именуется формированием крон

На исходе зимы, в предвесенней последней декаде.

НАД ОМУТОМ

В этом омуте все обрывается болью и гневом,

Мир уже отсверкал...

Но опять и опять подменяется правое левым

В черном блеске зеркал.

Я над ним постою, опрокинутый как в сновиденье,

Где – маши не маши -

Никогда и никто ничего не свершит во спасенье

Оскорбленной души.

И чем ближе к воде, тем неведомей души невинных,

Только морок и гарь...

Поднимаю фонарь...

Чтоб хоть что-то увидеть в глубинах,

Поднимаю фонарь.

* * *

Как тянет холодом из сада...
Какие думы вороша,
Каким сомнением разъята
Его смущенная душа?..
Какая тяжкая свобода
Коснулась вымокших дерев,
Когда они, перегорев,
Познали вкус ее прихода?..
А был на пламя так похож
Желанный жар ее ладоней!..
Над голым садом гул вороний,
Вороний каторжный галдеж...

* * *

И не испытав ностальгии,
О пире во время чумы
Когда-нибудь скажут другие
Другими словами, чем мы.
Напишут иные страницы,
Из коих не сразу поймешь,
Что старую ложь очевидца
Сменили на новую ложь.
И грянет чужая свобода,
Где так же не знают о том,
Что в поиске нового брода
Все тычутся в бездну шестом.

* * *

Не луной – ночными фонарями
Высвечен, как будто обнажен,
До утра в моей оконной раме
Обреченно цепенеет клен.
Немота – ни ветерка, ни звука...
Ни прикрыть, ни спрятать наготу...
О, какая каторжная мука -
Быть и днем, и ночью на свету.

* * *

Январский закат и тяжел, и отечен,
И брезжит в тумане лилово и ржаво,
И сани заносит в сугробы обочин
То справа налево, то слева направо,
И кони пристали, и в инее сбруя,
И долго еще пробиваться к рассвету...
И серым волчонком, добычу почуя,
Крадется поземка по санному следу.

* * *

Дверь нараспашку в этот зимний час...
Всего одна для выхода и входа.
Не в этом ли лукавая свобода,
Уже века смущающая нас?
Там, за спиной, - тепло и темнота,
Здесь – лунный свет и бледный холод снега,
Там – о побеге вечная мечта,
Здесь – вечное безумие побега...

В СТЕПИ ЗИМОЙ

Во все края – голубоватый снег
И головокруженье белых пятен...
Из этой бесконечности побег
Становится почти невероятен.
И замер дух, и разум оскудел,
Утрачивая прежние расчеты,
И стал душе необходим предел
Для ощущенья веры и свободы.

* * *

...А первый снег и неподвижен,
И робок, будто первый грим,
И очертания булыжин
Еще так явственны под ним...
И на белейшем этом снеге
Его смирению не в лад
Следы проехавшей телеги
В пустынном воздухе гремят.

* * *

...И ветер осени оставил
На старом ясене листок -
Не исключением из правил,
Не по ошибке, не в залог,
Оставил не забавы ради,
Не ради призрачных похвал -
О милосердье и пощаде
Он никогда не помышлял.
Он был иной подвержен страсти,
Когда, гордынею влеком,
Провозглашал свое всевластье
Непротестующим листком.

* * *

Бесшумно, ветрено, светло,
И все до мелочи пустяшной
Как бы чертою карандашной
Сырое утро обвело.
Куда ни обращаю взор,
Везде осеннее пространство,
Уже лишённое убранства,
Преобразовано в простор.
И птицы угловатый взлет
В подвижном холоде осеннем
Как бы четвертым измереньем
Непредсказуемо живет.

* * *

На этом пустынном причале,
У кромки воды и земли,
Железною цепью ее приковали
И весла с нее унесли.
Но этой неволе противясь,
Когда подступает прилив,
Тяжелая лодка все пробует привязь,
Пытает ее на разрыв.

НОЧНОЙ ФОНТАН

Он – подражал.

Он постигал азы

Осенних гроз.

Их гулы вековые,

Их верхние регистры и низы

Он замыкал в точнейшие кривые.

Но струи, вознесенные в мольбе,

Все падали в одни и те же воды...

Он – подражал,

Он верен был себе:

Он создавал

Иллюзию

Свободы.

ДОЖДЬ

Все ищет собственный мотив
И все бормочет в одиночку,
На все лады переложив
Одну-единственную строчку.
Замрет, улавливая связь
Со всем, о чем душа живая
Поет, медлительно струясь,
Сама себя перебивая,
Ударит в зябкое стекло
И все чьего-то ждет ответа...
Мне б так чертовски повезло,
Сумей и я – вот так... вот это...

ГОЛОСА

Не отражаясь многократно
В глубинах ровной тишины,
Ночные голоса невнятные,
Им очертанья не даны,
Как беглый луч по занавеске,
Они скользнут из темноты,
Так удивительно нерезки,
Неосторожны и чисты.
Они, свободные, живые,
Еще не знают плена слов...
И точно слышится впервые
Поспешность чьих-то каблучков,
Впервые – клена темный ропот,
Впервые – влажный шорох шин...
Весь этот мир – как первый опыт,
Где каждый звук непогрешим,
Где все означено штрихами
И трудноуловима связь,
Где говорят полустихами,
Еще робея и таясь.

БЛИКИ

О, этих бликов разноречье...

Их поэтический язык

Уже почти по-человечьи

Неуловим и многолик.

Как отличить в озерном лоне

Алмазный блеск от мишуры,

Соревнованье от погони,

Самосожженье от игры?

* * *

Светло – а все покоя нет,
Фонарь ночным пространством бредит,
Но кто среди бела дня заметит
Его неусмиренный свет?
Кто и в какой ночи зажег
Его на перекрестке этом?
Ах, как он борется со светом,
Безумный газовый рожок...

* * *

Чтоб не было большей мороки,
Заслышав далекий состав,
Мы вышли к железной дороге,
В лесу допоздна проплутав.
И в этой очерченной звоном
Тиши, наступившей окрест,
Шагая по шпалам бетонным,
Пришли на ближайший разъезд,
На тот, что казался итогом
Дневного пути и труда,
А в небе чужом и высоком
Горела на нами звезда...

ПОЛУСТАНОК

За окнами скупно и сыро,
Кассирша подобна вахтерше...
И два пожилых пассажира...
И два проходящих до Орши.
Последний приходит под вечер,
Обычно вослед за товарным,
Начальник – и он же диспетчер -
Встречает их светом фонарным.
И в этом расплывшемся свете,
В вечернем тумане и сыри
Вся выглядит как на макете
В каком-то игрушечном мире.

* * *

Это – время прибоя...
Волна за волной,
Подымаясь у кромки земли на дыбы,
Как рабы на закланье, одна за одной
Расшибают о камни широкие лбы,
Это – быть и не быть замыкают кольцо...
Воскрешение Гамлета... Тень короля...
Мы – у бездны,
И северный ветер лицо
Опаляет, соленою влагой пыля...

* * *

О, я совсем не к этому веду,
Что отдавать долги сегодня нечем,
Что старая валюта не в ходу
На этом новом торге человечьем...
В каком святом долгу остались мы
И что за суд нас призовет к ответу,
Когда на всю судьбу свою займы
Ты получил фальшивую монету?..

* * *

Ах, кони, растревоженные кони,
Гнедая да караковая масть,
К звезде, что занялась на небосклоне,
Стреноженным вовеки не припасть.
На порыжелом мартовском пригорке
Они в молчанье смотрят на закат,
И пут горизонтальные восьмерки
Насмешкой бесконечности сквозят.

* * *

Жгут костры на том берегу...
Рыбаки?..
Или не рыбаки?..
Разглядеть никак не могу -
Чересчур они далеки.
Жгут костры на том берегу,
Там огонь такой молодой!..
И дымок, описав дугу,
Растворяется над водой...
Этот берег – лесист и крут,
Этот берег увяз в снегу,
Здесь, на этом, костров не жгут -
Жгут костры на том берегу.

* * *

Вырубали малину. Секли
И сухие белесые стебли,
И побеги у самой земли,
Что под солнцем еще не окрепли.
Был закат... и начало весны,
И, блестя, отражала лопата
В этот миг неживой тишины
Ярко-красные капли заката.

* * *

По травам тени беглых облаков
В рассветный час торопятся куда-то,
Бесшумнее и легче акробата
Взбираясь на вершины стебельков.
Взбираются и падают опять,
На остриях не обрета площадки,
И мечутся в смущенном беспорядке,
Не в силах равновесья отыскать...

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

* * *

В застенке томилось слово.
Я ж, если писал о чем,
Всего лишь сдвигал засовы
Несильным моим плечом.
И если перед причалом
Успею подвести итог,
Считайте моим началом
Последние восемь строк.

* * *

Над могилой Поэта читают стихи,
Как молитву строку за строкой,
Ибо там отпускаются наши грехи
И даруется сердцу покой.
Над могилой Поэта весомей слова
И великая правда слышней,
Ибо ей не мешает людская молва,
Никогда не согласная с ней.

* * *

Под этим небом, ветреным и нищим,
Где в клочьях туч сочится лунный дым,
Живое слово, стань моим жилищем,
Пристанищем, прибежищем моим.
Исполню все твои предначертанья,
Любую волю и наказ любой,
Чтоб только эхо твоего молчанья
Когда-нибудь услышать над собой.

* * *

Ах, какая глухая пора...
Видно, выпала доля такая
И тебе не уснуть до утра,
В этой темени глаз не смыкая.
Но и в эту февральскую ночь,
В одичалом безмолвии этом
Все равно что-нибудь напрогорь
По каким-нибудь тайным приметам.
Нагадай, посули, предскажи
Ну хотя бы какую-то малость...
Я сегодня поверю и лжи,
Ибо что, кроме правды, осталось?..

* * *

И был финал. И Фауст захотел
Остановить прекрасное мгновение,
Разъять времен содвинутые звенья
И задержать полет небесных тел.
Внимательными пальцами слепца
Он посягнул ощупать мирозданье,
Чтоб осязать черты его лица
И осознать исчерпанность познания.
Но в тот же миг у бездны на краю
Упал на берег истощенным телом,
Не ведая, что мудрости пределом
Становится безумье...

К ТЕМЕ ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГИ

Немало тем и посвежей,
Но я себя обрек
В числе обычных платежей
Платить и ей оброк.
Само собой случилось так,
Что, отходя ко сну,
И я свой нищенский пятак
Вношу в ее казну.
Какие жалкие гроши...
Но, может быть, во сне
Случайный василек во ржи
Привидится и мне...

* * *

Минувший день, что прожит мною,
Уже остался за чертой
С его наивной глубиной
И усложненной простотой.
Но в памяти моей едва ль он
Оставит различимый след -
Его сомненьям и печалям
Для памяти названья нет.
Он ничего не подытожит,
Ничто не сможет увенчать,
Но на грядущее положит
Свою некруглую печать.
Он что-то давнее залечит
И будет прав уже вдвойне,
Коль малый миг очеловечит
В еще не наступившем дне.

* * *

Вчерашний день – мираж наоборот,
Он нематериален, но реален,
И неподвижный темный небосвод
Разомкнут над безмолвием развалин.
Там чьи-то тени бродят меж камней,
И мы следим за их перемещеньем,
Забыв о том, что на исходе дней
Мы сами их собою же заменим.
И будет тот же черный небосвод,
И будет та же тишина ночная,
Вот разве что звезда уже иная
На нас в проломе неба протечет.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

1

* * *

На тротуары и на крыши
Снега накинута зима -
И сразу стали будто ниже
Кусты, деревья и дома,
И, новый мир не узнавая,
Ты сам собой ошеломлен,
Почувств запах каравая
Из давних - маминых – времен,
Где нет еще ни роз, ни терний
И где такую же зимой
Заваривают чай вечерний
Для чашек с синевой каймой.

2

* * *

Весенней ночью ветер был жесток
И дуло в щели старого сарая,
И курам, залетевшим на шесток,
Уснуть мешала непогодь сырая,
И Зорька в отгороженном хлеву
Вздыхала тяжело и откровенно
И вспоминала теплую траву
Под горький запах преющего сена.
Ах, этой ночью ветер был жесток...

3

ПОДВОРЬЕ

Лопухи, лебеда, мурава...
Запустенье окраин...
У сарая сырые дрова
Сушит в лето хозяин.
От поленьев, от старой пилы,
Прислоненной у козел,
Вязкий дух перегретой смолы
Ветер в окно забросил...
Мурава, лебеда, лопухи,
За дорогою – поле...
И кричат на закат петухи,
От отчаянья, что ли...

4

ВЕЧЕР

Старым тесом обнесенный дворик,
На крыльце мерцающие тени...
Сладковато-приторен и горек
Запах остывающей сирени.
И над этим запахом и тенью,
И над опустелой голубятней
Небо на какое-то мгновенье
Кажется темней и необъятней...

5

ПЕЙЗАЖ

Зной. Покосившийся плетень,
Сухие колья островерхи...
Горшок, надетый набекрень...
Коза с глазами староверки...
Деталь... Еще одна деталь...
Но в этой тоже мало проку...
Дорисовать бы здесь дорогу,
Чтоб ею хоть означит даль...

6

* * *

... А в этом поселке старинном -
За что только Бог наказал?! -
Пропахший дождем и бензином
Застуженный автовокзал.
Вернее, площадка у кассы,
Скамья и дощатый навес,
Над ним облетевшие вязаы,
Над ними – свеченье небес...
Стоянка России... И холод...
Предзимняя голубизна...
Листок расписанья приколот
К некрашеной лутке окна.

* * *

Я вернулся в мой город, знакомый до слез...

О.М.

Я приехал к нему. Я брожу по его тротуарам,
Я молчу у знакомых, у незнаваемых мест.
Я вернулся в мой город, объятый осенним пожаром,
Где никто и ничто не заметит мой поздний приезд.
Этот город казался мне городом сотен свиданий,
Где достаточно было взбежать на любое крыльцо,
Чтобы вновь обожгло неостывшим румянцем гераней,
Тех, которые сызмала знал поименно, в лицо...
Я приехал к нему. По его тротуарам брожу я
И на ниточке памяти между мирами вишу...
Я вернулся домой... я приехал в столицу чужую
И озябшими пальцами палые листья крошу...

* * *

Ночь, и луна, и рябина на взгорке...

Зимняя стужа...

Все это внове тебе, фантазерке,

Все это – вчуже.

Все перестроив и переиначив,

Ах, как летели

Там, на отшибе, у теток на даче,

Эти недели...

Так удивителен для горожанки,

Вечен и хрупок

Мира, возникшего как бы с изнанки,

Каждый поступок.

* * *

Ну что же, спасибо тебе и на том,
Что зноем не выжгла, не выбила градом,
Не вышибла на повороте крутом
И не отравила скептическим ядом.
Спасибо, что не погасила огня
И, не дав свободы, судила не строго
И, если надеждой ссужала меня,
Взамен не брала никакого залога.
Спасибо, что не покарала стыдом
За воду и хлеб, что нещедро дала мне,
За бледное небо, за скудные камни...
Ну что же, спасибо тебе и на том...

Памяти матери

* * *

Свет погашен – и вечер ослеп,
И привиделось мне в слепоте -
Будто ты опьяняющий хлеб
Испекла на капустном листе.
Для него, из муки с лебедой,
Ты тряпицею печь подмела,
Но вдоль края каймою седой
Все равно прикипела зола...
Я прозренья уже не хочу
И его не ищу меж людьми...
К твоему прислоняюсь плечу
И беззвучно шепчу

«Отломи»...

* * *

Ах уж эти смешные привычки,
Все к единому слову сводя,
Даже в гуле ночной электрички
Слышать ветер и гулы дождя,
И себя самого отдавать им
Без остатка, всего, до конца,
И за этим нелепым занятием
Не жалеть о потере лица...

* * *

... А волны шли наискосок,
Как бы с ленцою даже,
И вкатывались на песок
Уже пустого пляжа.
И всю тяжестью воды,
Всем угловатым телом
Стирали редкие следы
Как будто между делом...
И злая чайка вдалеке
За сваями причала
На первобытном языке
О вечности кричала.

* * *

И денно, и ночью
Гремит не смолкая
Тревожно и мощно
Равнина морская.
В немолкнущем гимне,
Гремящем сурово,
О море, шепни мне
Заветное слово...
Случится ли счастье
На этой планете,
Где сушатся снасти
И вяжутся сети?

КУПАЛЬЩИЦА

На мгновенье обозначась четко,
Вот она откинулась назад -
Может быть, вот так канатоходка
Пробует мерцающий канат,
Вот ее холодноватой плотью
Обняла озерная вода,
Вот уже прошла по мелководью,
Не оставив малого следа,
Вот уже сошла, как по ступеням,
В музыку языческой воды,
Вся – влекома самораствореньем
Обмлевшей в заводи звезды...

* * *

1

Смолистые, упрямы бревна,
Но, уступая топору,
Они медлительно и ровно
Ложатся точно по шнуру.
И на пересечениях прочно
Их зарифмованы концы,
Как будто связаны построчно
Тяжеловесные венцы.
А мне бы только полстраницы
Такие подарить тебе,
Чтоб в них тепло могло храниться,
Как в этой рубленой избе.

2

Опять удлинена
На мартовском снегу,
Тень твоего окна
Упала на бегу.
Спешу к ее дарам,
Ловлю неровный след -
Переплетенья рам
Зачеркивают свет.

* * *

Слепой, впервые словно тронув
Сухими пальцами, на миг
Объем и смысл его законов
В прикосновении постиг.
Неужто им, худым и зрячим,
Доступна истина сама,
Та суть, которую мы прячем
В привычной плоскости письма?..
Ты ж – остаешься за строкою,
На чужедальнем берегу,
И даже имени рукою
Я все коснуться не могу.

* * *

Вода и ветка. Срезанная. В ней.
Но проступают, словно из тумана,
Тончайшие сплетения корней
В зеленоватом холоде стакана.
Они - живые!- жадно торопясь
И утоляя жажду глубиною,
Мучительно отыскивают связь
С утраченной опорой земною.
Им кажется, что все им по плечу:
Еще чуть-чуть – и греза станет былью...
Я отвожу глаза. Я не хочу
Увидеть их последнее усилие.

* * *

Гроза проходит стороной
По краю большака,
Как холодок в июльский зной
У самого виска.
Пройдет, не утолив беды,
За отдаленный плес...
По большаку ее следы -
Как оспины. Вразброс.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Ночь одичало вспыхивала громом,
Еще высоких сил не находя
Себя излить над миром незнакомым
Свободным откровением дождя.
Язычнице, ей много ль было надо?..
Ей, может быть, достало бы вполне
Полоски света, крохотной лампы,
Явись она в распахнутом окне.

2

.. И с каким-то азартом мальчишьям
В побледневшем от молнии мраке
Гром ударил по набожным крышам,
И сорвался, и замер в овраге.
И худая старуха в исподнем,
Осторожно сползая с кровати,
Что-то шепчет о гневе Господнем
И огонь зажигает в лампаде.

* * *

То ли это глухие каменья
Обрываются с кручи,
То ль опять накануне сраженья
Голос пробуют тучи...
Вот еще прогремело далече,
Пригрозило обвалом
И ударило дробью картечи
По холмам одичалым...
Над землею тяжелые тени
Все темнее и шире,
И грохочут глухие каменья
В расшатавшемся мире...

* * *

Предчувствую иные времена,
Эпоха подытоживает смуты
И для эпического полотна
Набрасывает пробные этюды.
И мы, не убоявшись наготы,
За мимоходом брошенные крохи
Позируем у заданной черты,
Наемные натурщики эпохи.

* * *

1

Вначале – не более пробы -
Поземки суровая вязь,
Потом закурило сугробы,
А там и сама занялась.
В пространстве уже беззаконном
Из бунта творила закон,
Где шепот сменяется звоном
И в гул обращается звон,
Молитвою или рыданьем
Явилась в смиренье равнин,
Как будто со всем мирозданьем
Оставшись один на один...

2

Уже вторые сутки напролет
Февраль как будто не в своем рассудке
И все метет, без устали метет,
Метет февраль уже вторые сутки.
В саду метель деревья замела,
Все затянула сумраком белесым,
Прислушаешься к ней – и нет числа
Ее желаньям и ее вопросам.
Вторые сутки не смыкая глаз,
Метет февраль, и нет ему покоя...
А мне бы лишь узнать, который час,
Чтоб опереться на него рукою.

РЕШЕТКА ПАРКА

1

Чугунная, тяжелая, литая,
Как слажена она – торец в торец!..
А снег идет и падает не тая
На сочлененья ромбов и колец.
А снег плывет доверчиво и щедро
С уму непостижимой высоты
И с точностью, достойной геометра,
Обожествляет все ее черты.
Он повторяет все ее движения,
Он просветляет черное литье
И как бы ищет переосмысленья
И пересотворения ее.

2

Тяжелые влажные хлопья
В почти неподвижном паренье,
И липы глядят исподлобья
На белое столпотворенье.
Глядят, не обмолвятся словом
За черной решеткой ограды,
Поскольку небесным обновам
Озябшие липы не рады.
И к белой оглохшей дороге
Холодные руки простерши,
Предчувствуют новые строки,
Что будут больнее и горше...

* * *

1

Прочтенье октября все длится,
И мы не знаем наперед,
Какие новые страницы
Он перед нами развернет...
Пусть первый холод мимолетен,
И красных листьев намело,
И в глубине его полотен
Сквозит последнее тепло,
Но мы с тобою не отринем
И ранний холод этих дней...
Прочтенье длится... В небе синем
Звезда становится видней.

2

Последние листья

Они над остывающей долиной,
Готовые уйти в последний путь,
На тоненькой вершине тополиной -
Как стайка птиц, присевших отдохнуть.
Но с высоты последнего привала
Им не уйти в размеренный полет,
Напрасно журавлиный запевала
В чужие дали нежно их зовет.
Им – здесь упасть.
Но, тронутые тленьем,
Они и накануне зимних дней
Еще все медлят на ветру осеннем,
Чтоб удержаться в памяти моей.

3

В этом пестром смешении пятен,
Обжигающих страждущий сад,
Как торжественен и беспощаден
Этот жертвенный листопад!
Помолчим в этом мире нераннем,
В этих сумерках на крови,
Что даются душе испытаньем
Нашей веры и нашей любви.

4

На черных ветках светлая вода,
Живая, переменчивая влага,
Предчувствуя сухие холода,
Загустевает наподобье лака.
Когда ж восходит желтая заря,
Весь яблоневый сад в поселке дачном
Вдруг явится отчетливо-прозрачным
Под колонковой кистью октября.

5

Не слишком доверяй ночам осенним
И не суди поспешно тот разлад,
В котором каждый прав и виноват
И все полно взаимным обвиненьем...
Что ведомо тебе о жизни той,
Где под сырым и низким небосводом
Паденье именуется полетом,
А увяданье стало красотой?..

6

Эскиз

Еще не скоро до январской стужи,
Но по ночам опасливо, тайком
Мороз уже прихватывает лужи
Пока еще игольчатым ледком.
Он словно бы опробывает навык

Украдкою, еще не напоказ,
Следя за тем, не нужно ли поправок
В свой промысел внести на этот раз.
А поутру, одев туманом сизым
Ряды берез и низкий небосвод,
Любуется законченным эскизом
Январской стужи, что уже грядет.

* * *

Молчаньем приручаю тишину.
Случайным жестом, шорохом случайным
Я благодати этой не спугну,
Я приручаю тишину молчаньем...
Так приручает палая листва
Ночных светил недвижимое свеченье,
Исполненное тайного значения,
Но не преображенное в слова.

* * *

Дарованное мне я прятал по словам
С опаскою и прилежаньем скряги,
Но – взятое у вас я возвращаю вам,
Все возвращаю, до клочка бумаги.
Я возвращаю все. Я больше не в долгу.
Я остаюсь один с пустой казною,
Но самому себе я больше не солгу
Сокровищами, скопленными мною.

* * *

Деревья маются, как люди,
И так же в раннем ноябре
Они подвержены простуде,
А где-то в августе – хандре.
И так же, по текущим теням
Ловя движение луны,
Они терзаются сомнением
Или надеждою больны.
Им так же надобно причастье,
В котором истина сама
Душе даруется не властью
И не усилием ума.

* * *

Свет и тень... Этот август себе на уме,
И опять в освещенье двойком
Мы опасно гадаем о новой зиме
По его переменчивым знакам.
Изобилье рябины сулит холода...
Неужели вот-вот обернется
Меловыми натеками раннего льда
На бревенчатом срубе колодца?..
Полусвет, полутень и опять полусвет
Так медлительно на землю лягут...
Не горюй! В этом августе много примет,
Кроме красных трагических ягод.

* * *

Кто-то вечно следит за маршем,
Помавая жезлом монаршим,
Для кого-то в судьбе опора
Злая палочка дирижера,
А паломник, угодный Богу,
Только посох берет в дорогу...
Можно жезлом державно править,
Можно жезлы исправно славить,
Но один только бедный посох
Любит землю в пыли и росах...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Вечерний свет, слабея, гас,
Его янтарные остатки
В несуетливом беспорядке
Ловили сосны про запас.
И он стекал по их стволам,
Проскальзывал по мокрой хвое,
Как ощущение болевое,
Мешаясь с тенью пополам.

ЦВЕТУЩИЙ РЕПЕЙНИК

Зацвел репейник, сумрачен и груб,
Лилово-ал, багрово-фиолетов, -
Приблудное дитя сырых кюветов,
Угрюмый подзаборный жизнелюб.
Как объяснить тревожному уму
Репейника прекрасное цветенье -
Как – смертный грех? Как вечное спасенье?
Бежать его?.. Молиться ли ему?..

* * *

Наискосок и – поперек ствола,
И дрогнет он, помеченный зарубкой,
И минет день, и теплая смола
Остынет, станет каменной и хрупкой.
Ожесточится страждущая плоть
На холоде самодержавной прозы...
Любовь моя, не приведи Господь
Тебе увидеть, как твердеют слезы.

* * *

Свет падал косо, по углу
Из-за плеча,
Раздваивался на полу
На два луча.
И тень меж ними – как зола...
А у стены
Два раскаленные крыла
Разведены...

* * *

1

Январские письма обычно бывают длинней
Написанных нами в каком-нибудь беглом апреле,
Когда по-иному читается азбука дней,
А зимние письма, конечно, уже устарели.
Листок за листком обрываю на календаре
И больше не спорю с уже ускользящим годом...
А все-таки вы напишите письмо в январе -
Я буду весьма снисходителен к вашим длиннотам...

2

И что за странная зима:
Во всем какой-то полусвет,
Как ожидание письма,
Которого все нет...
Приемника застенный звук
Знобит и давит на виски...
А если – пишут, если – вдруг,
Да рвут черновики?..

3

Какая тайна в памяти людской
И что же совершается в ней, если
Нам до одних имен – подать рукой,
Когда иные навсегда исчезли?..
Но Ваше имя я не уступлю -
На нем горит особенная мета...
Я помню Вас, я помнить Вас люблю
И благодарен памяти за это.

4

Письма

Такие пишут только ночью
При желтом свете ночника,
И начинают их с отточья
Цитатою из дневника,
И приручают письма эти
Вполшепота и нараспев,
И ненавидят на рассвете,
Поставить точку не успев...
Забава, право же, пустая...
Зачем же – и не в первый раз! -
Я их все пристальней читаю
И – сочиняю их за Вас?

5

Господь тебе не приведи,
В каком ни будь краю,
Подслушивать мои дожди
В бессонницу твою.
Их страсть закабалить сердца
То беглостью начал,
То бесконечностью конца
Не раз я замечал.
И чем их шепот горячей,
Тем беззащитней плоть...
Дожди мои... От их речей
Храни тебя Господь.

6

Когда беда объявится, когда
Она к тебе следы свои проложит,
Когда твоя заветная звезда
Уже ничем помочь тебе не сможет,
Она сорвется и падет стремглав
Лишь для того, чтобы в ее паденье

Сумела ты, желанье загадав,
Еще на миг поверить в исцеленье.

7

За все хочу просить у Вас прощенья.
Но быть прощенным Вами не хочу -
Есть за прощеньем холод отреченья...
Вот почему я снова промолчу.
Но если Вы меня еще вините
Из вин моих хотя бы за одну,
Я лишь за то, что Вы ее храните,
Готов благословлять мою вину.

8

О чем же написать?
О том, что под стропила
Забилась голуби
в чердачное тепло?..
Или о том,
что с полночи знобило
В оконной раме тонкое стекло?..
О чем же написать,
Чтоб вас не опечалить?
О чем поведать вам,
не опечалить чтоб?..
О том ли,
что к утру
стекло сковала наледь
И уняла его отчаянный озноб?..

9

Диалог

- Сколько там?
- Уже пробило три.
- Вот и все, пожалуй.
Три пробило...
- Нет, еще не все. Договори.

Доскажи мне, что же с нами было.

Времени довольно до зари...

Что же с нами стало?

Что же есть?

- Не пытайся подбивать итоги.

Сколько там?

- Уже пробило шесть.

Небо забелело на востоке...

Что же с нами станется?

- Бог весть...

10

Я той весною с Вами был на «вы»,

Я Вас произносил, как в утреннем покое

Произносило эхо дрожь листвы,

Едва задетой Вашею рукою.

Теперь уже зима, и сумерки густы,

И за окном метель, и замело дороги...

Я научился Вас произносить на «ты»

В моем так опоздавшем монологе.

11

Был вечер. Был февраль. Была метель.

И лампа осторожно освещала

Твое окно. Тебя. Твою постель...

И на журнальном столике лежало

Твое письмо.

Но знала ты едва ль,

Что автором его на самом деле

Был поздний вечер,

Был сырой февраль,

Был глуховатый шум его метели...

12

Давай на миг вообразим,

Что между нами нет

Ни бесконечно долгих зим,

Ни мимолетных лет.
Давай вообразим на миг,
Что есть рука твоя
И я губами к ней приник,
Дыханье затая.
Давай, на миг сойдя с ума,
Самим себе солжем,
Что этот ветер и зима

* * *

1

По рытвинам и рвам
Наперекор судьбе
Он торопился к вам
И опоздал к себе.
Распалась связь времен
Кругами на воде...
Разъезд... Ночной перрон...
Фонарь в косом дожде...

2

*Привлечь к себе любовь
пространства,
Услышать будущего зов...*

Б. Пастернак

Почти небрежно брошенный во тьму,
Гудок состава ночь перечеркнет,
Вагоны дрогнут в ряд по одному,
Как бы в ознобе набирая ход.
И будет им фонарь светить вослед,
До утра не смыкая мокрых век,
И будет оседать тяжелый свет
на привокзальный сумеречный снег...
Фонарь и снег давно обречены
На путаницу вымысла и снов,
На темный гул нездешней стороны,
Любовь пространства, будущего зов...

* * *

Не дай мне Бог сойти с ума...

А. С. Пушкин

Все начинается с усилья,
С того прицельного броска,
Где разум расшибает крылья
На выходе из тупика...
Потом является смиренность
И гладит влажные виски,
Как бы даруя озаренье
Прикосновеньями руки.
И так их подвиг благодатен,
Что в обновленной западне
Безумие не видит пятен
На окровавленной стене.

* * *

Все чаще, чаще тяготит общенье,
Все чаще тянет быть наедине
С самим собой и беглые мгновенья
Подслушивать в текучей тишине.
Все ближе и желанней год от года
Тот молчаливый сумеречный свет,
В котором есть плененная свобода,
А выхода из заточенья нет...

ЭТЮД

Сгустились вечерние тени,
Все замерло в доме, и лишь
Две белые ветки сирени
Озвучили сонную тишь.
Казалось, - лишенные плоти,
Зажатые в темный багет, -
Они на серебряной ноте
Струили серебряный свет...
На стенке, побеленной мелом,
Сияли в январской ночи
Одни в мироздании целом
Две жизни... два сна... две свечи.

* * *

1

Обещающие благодать,
Обучающие меня
Не отчаиваться и ждать
В этой темени света дня,
Терпеливые толмачи,
Объяснители темноты,
Фонари в январской ночи
Переходят со мной на ты.

2

На рыжем асфальте ночной мостовой
Темно и невнятно,
Все шепчутся, шепчутся с палой листвой
Фонарные пятна.
Все маются, маются тайной виной
В неявленном слове...
И я понимаю, что с ними одной
Породы и крови...

* * *

Дневниковые формулы кратки,
Их язык абсолютен и свят,
Но порою и в них опечатки
Проступают под знаками дат.
И – как в неуточненном наброске -
Длинной памяти лет вопреки
Проставляем мы поздние сноски
Под случайною сутью строки.

* * *

В. Берестову

Одни лишь фантасты и дети,
Вступая со временем в спор,
Уходят за тысячелетья
В придуманный ими простор.
И люди иных поколений,
Быть может, по их кораблям
Оценят сегодняшний гений
Труда и ошибок землян.

* * *

Строфа, стоящая вне цикла,
Лишенная его корней...
Когда и как она возникла
И что сегодня делать с ней?
Она не примет продолженья
И содрогнется от тоски,
Едва почуяв приближенье
Твоей ласкающей руки...

Но то, что было некогда мольбой,
Молитвою становится в финале.

6

Два времени в покое ночи есть,
Соседствуя, как память и забвенье,
Но как, скажи, Тебя мне перенести
Из вечности твоей в мое мгновенье?

7

Что означает этот темный звон?
Какое дать ему истолкованье?..
Он – только эхо минувших времен?..
Иль темный голос вечного молчанья?..

8

И как же обратиться к небесам
С бесчисленными мольбами своими?..
Нет имени у Бога, ибо сам
Он есть всеобнимающее Имя.

9

Не прошу у Тебя прозренья,
Но пошли мне благую весть,
Что даруешь душе сомненье,
Ибо в нем и надежда есть.

* * *

Все догорала головня,
И догореть все не умела,
И пробежал озноб огня
Вдоль иссякающего тела...
Не ты ли молча до утра
Все ворожил над этой болью,
И ждал чего-то у костра,
И – ворошил его уголья...

СОСНА НА СКАЛЕ

Как безобразно бронзовое тело,
Как медленно тяжелая смола
Из года в год текла и коченела
В железных венах этого ствола!
Что за уродство в этом духе черством
Являет небу старая сосна
И чем – терпением иль противоборством -
На эту мощь она осуждена?..

* * *

1

Кто-то скачет в намет, погоняя коня,
И, ко мне обернувшись лицом,
Все зовет и зовет, понуждая меня
Поспешить за его жеребцом.
Опираясь на посох, хромой следопыт,
Я стою на краю большака
И слежу, как смиряется грохот копыт,
Долетающий издалика...
Воздух осени потом и пылью пропах,
И, нагие кусты серебря,
Оседают взметенный копытами прах
На сухие виски ноября.

2

Дрожь пробегает по крупу коня -
Это мой конь прогоняет слепня,
Пьет из колоды с водой дождевой,
Пьет и мотает гнедой головой...
Вечер над нами тучи простер,
Гаснет заката дальний костер.
Тихо шепчу я гнедому коню:
«Не торопись... не догоню».

* * *

Благословить – найти благое слово
И словом этим благо даровать,
Благодарить – вернуть его и снова
Найти в благодаренье благодать...
По кромке туч, по самому по краю
Дрожит закат... И, глядя на зарю,
Благодарю тебя, благословляю,
Благословляю и благодарю...

* * *

1

Когда тобою буду я судим
И сам на этот суд уже не выйду,
Моим стихам – и только им одним! -
Я поручу вести мою защиту.
Перечитай написанные здесь
Прижизненные строчки этой книги
И на весах своей Фемиды взвесь
Предъявленные памятью улики.

2

Голос

О чем тебе – твоя ночная птица?
О том ли, что понять уже пора,
Что лишь тобой означена граница
Между твоими «завтра» и «вчера»,
Что бесконечность не имеет целей
И знать не знает пауз и длиннот,
Что нужно становиться неумелей,
Чтоб ощутить ее немой полет?

3

Чем я занят? Странною работой...
В памяти, в глухом чертополохе,
Добровольно, собственной охотой
Выбираю прошлое по крохе.
Облачные тени, что когда-то
Просияли в поднебесной сини,

Красный луч июльского заката,
Оплывавший на ленивой глине,
След коня, оставленный на тверди,
Темный след во времени избытом,
И живое ощущение смерти
Под сухим, чешуйчатым копытом...

4

Ямб

...И слышит только ночь немая,
Как без обувки вдалеке
Бредут часы, как бы хромая
На каменистом большаке.
С опорой на вторые доли,
Уже стоически почти,
Бредут, не ощущая боли,
По щебню Млечного пути.

5

Шаги

Январская полночь глухонема,
И за окном – ни зги...
А память готова сойти с ума,
Заслышав чьи-то шаги.
Замерли где-то...

Вновь тишина

Прячется в темноте...
А память эхом шагов больна:
Те?..

Или – не те?..

6

Когда забыты голоса, когда
Уже забыты голоса и лица
И, если это даже навсегда,
Тебе ни с кем уже нельзя проститься,

Приходит та особенная тишь,
Где ты – один, - в бессоннице железной
Как словно бы не падая, висишь
Над черною и неподвижной бездной...

7

Бессонницей тяжелых слив
И робких вишен
Сад занемог
Он молчалив...
Он неподвижен...
Он окунулся в синеву
И чутким ухом
Все ловит звездную молву
И верит слухам...
А полночь, звездами шурша,
Все ярче светит
И мед из лунного ковша
На ветки цедит.

8

Не отрекись. Остайся. Посоветуй,
Как выстоять, как не сойти с ума.
Ведь я Тобою был помечен метой
Не знающего милости клейма.
Январь... И над пустыней ледяною
Слепая полночь вызвездила высь...
Ах, сколько звезд пылает надо мною!..
Не оставляй меня, не отрекись...

9

По каплям эту ночь к утру
Беспечный маятник раздарит,
И я опять, безумный скарעד,
Их до единой подберу.
Я дам свое дыханье им,
Упавшим в непогодь ночную,

И каждую поименую
Нетленным именем твоим...

10

Тополя

Еще далеко до апреля,
Всего-то конец февраля,
Но ветки в саду отсырели -
И стали нежней тополя,
И сон их сменила дремота,
Тишайшая та благодать,
В которой, предчувствуя что-то,
Неможно его угадать.

11

Не доверяй синоптикам, когда
Они сулят неслыханные стужи,
Обещанные ими холода
Других ничем не лучше и не хуже.
Минуются и эти февральи,
Они во всем на прежние похожи,
Мы вместе столько зим перемогли,
Что, даст Господь, и эту переможем.
Нам только бы в глухие вечера,
Когда поют безумные метели,
Не позабыть, как светится кора
На тополе, подсушенном в апреле.

12

Немота?.. Умолчанье?.. Безвестье?.. Печаль?..
Что от века упрятано за многоточьем?..
Иль оно открывает незримую даль,
О которой напрасно и вечно пророчим?..
Я люблю этот полуугаданный знак,
Три высоких звезды, просиявших во мраке,
Три небесных огня, освещающих мрак,
Три пылинки вселенной на бледной бумаге...

* * *

Не отдавай себя на чуждый суд,
Он будет все неправей с каждым годом,
Кто объяснит душе твоей, за что там
Ее низринут или вознесут.
Там будет одинаково грешна
И клевета, и похвала чужая,
Когда, иной вердикт опережая,
Как приговор предъ-явится она.